

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Павел Перевязкин

18+

Павел Перевязкин

Изнеможение

<https://litres.ru/74188943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую ночь Тимур засыпает и просыпается в смертоносном лесу. Выход из этой чащи только один — погибнуть во сне. Но самый страшный ужас наступает при пробуждении: реальное тело Тимура зеркально воспроизводит всю увечья.

Одеяло пропитывается свежей кровью, а тело покрывают рваные раны.

Лишённый отдыха, измученный постоянной болью и новыми ранами, он оказывается в ловушке собственного разума. Как долго организм сможет выдерживать экстремальные нагрузки? Сможет ли Тимур разгадать тайну проклятого леса до того, как очередная смерть во сне станет для него последней в реальности?

Павел Перевязкин

Изнеможение

Павел Перевязкин

Изнеможение

— Какого черта так холодно?

Проснувшись, я почувствовал, что все тело болит, а сам я абсолютно замерз. Мышцы одеревенели. Продрав глаза, я понял, что нахожусь в неизвестном месте.

Я точно помню, что засыпал в своей постели. Да и прошли уже те времена, когда я мог беспробудно пить и просыпаться в злых местах.

Оглядевшись, я осознал, что лежу на бетонном полу какого-то сооружения. Стены и потолок были тоже из бетона, рядом — пара окон и дверной проем без двери. Выйдя на улицу, я увидел поляну, вокруг которой ровным строем высились ели. Множество вопросов роилось в моей голове, но ответов пока не было. Побродив по поляне, я крикнул в надежде, что меня кто-то услышит, но в ответ я услышал только шелест деревьев.

Ну и что мне сейчас делать? Дождаться утра, а потом попытаться выйти на трассу? Нет, я слишком замерз. Луна све-

тит довольно ярко, так что я смогу пройти через лес.

Стоило мне ступить в лесное царство, как меня сразу окружил гнус. Я отмахивался как мог, но тучи мошкары буквально облепили мое тело. Пройдя пару метров, я споткнулся о корягу и полетел кубарем вниз, в овраг.

Из разбитой головы потекла кровь, и кровососы моментально набросились на нее. Я просто лежал и смотрел на луну, которая становилась всё больше и больше. Комары полностью облепили меня. Последнее, что я увидел, — это красная вспышка.

Проснулся я весь потный. Голова раскалывалась, очень хотелось пить. Выпив несколько стаканов воды, я пошел в ванную принять душ, но то, что я увидел в зеркале, повергло меня в шок. У виска темнела ссадина с запекшейся кровью, а руки и тело были покрыты красной сыпью.

Осев на пол, я только и мог прошептать:

— Это же был только сон...

Я не знаю, сколько просидел так на полу, но в чувство меня привел звонок с работы. Из трубки раздался крик:

— Надеюсь, тебе оторвало яйца! Потому что другой уважительной причины не посещать работу у тебя нет! Какого черта ты еще не на смене?

— Я скоро буду, Эдуард Валентинович.

— Пошевеливайся! За опоздание лишу тебя премии.

Эдуард при росте под метр девяносто весил едва ли восемьдесят килограммов веса — ни капли жира, только сухие, как палки, кости и тугие, жилистые мускулы. Он всегда держал спину ровно, словно проглотил лом, из-за чего казался еще выше, неестественно нависая над любым собеседником.

Его лицо было всегда бледным, острые скулы и тонкий нос дополняли его странный образ. Тонкие, бескровные губы постоянно находились в напряжении, превращая рот в узкую горизонтальную щель, из которой вылетали хлесткие, как удары плетью, фразы.

Глаза Эдуарда — маленькие, глубоко посаженные, цвета мутного речного льда — никогда не моргали во время разговора. У него был тяжелый, змеиный взгляд, который заставлял людей путаться в словах и судорожно сглатывать слюну.

Руки Эдуарда выдавали его безумие с головой. Длинные, паучьи пальцы с бледными ногтями находились в постоянном движении: он то скреб ими по подлокотнику кресла, то нервно тербил тяжелый золотой перстень, то с маниакальной точностью поправлял воротник рубашки.

В его походке не было вальяжности богача — только агрессивный, пружинящий шаг хищника, который точно знает, где сидит его жертва. Одежда на нем всегда была темной, строгой и сидела так плотно, словно была приколочена к его телу гвоздями, не оставляя места ни для одной лишней складки.

Для Эдуарда деньги — это вещь сакральная, он настолько был ими одержим что появись у мешка с купюрами вагина — он долбил бы её без остановки. Деньги были единственной шкалой, по которой Эдуард вычислял свой вес в этом мире.

Слюнявить и перебирать бумажки, вот истинное блаженство для такой мелкой душонки как Эдуард. Но даже этот ментальный онанизм не даёт ему такого экстаза, как возможность смешать чужое достоинство с дерьмом.

Разнос сотрудников для Эдуарда — аналог допроса с пристрастием. Он не критикует работу, он находит самое колкое место куда можно ткнуть. В эти секунды Эдуард упивается собственным величием. В его глазах вспыхивает огонь, это не злость, это чистая, жажда власти и доминирования.

Но под этой шкурой зажавшегося тирана скулил всё тот же побитый пёс. Эдуард слишком долго жрал объедки с барского стола чужих амбиций. Он наизусть помнил вкус собственной проглоченной обиды — горький, как желчь. Пом-

нил, как годами натягивал фальшивую лыбу перед ублюдками, которых мечтал зарезать, и пресмыкался перед ничтожествами только потому, что у них было больше власти. Каждое покорное „конечно, сделаю“, каждое трусливое разглядывание собственных мысков под хозяйский ор не испарились. Вся эта вековая гниль утрамбовалась внутри него в тяжелый, ядовитый монолит, который теперь требовал чужой крови.

Теперь он просто пустил скопившийся гной наружу. Эдурд примерил на себя шкуру тех самых ублюдков, которые когда-то ломали его через колено, и она подошла ему идеально.

Его картина мира сузилась до примитивной скотобойни: тут либо ты держишь топор, либо твоя голова лежит на плахе. Третьего не дано.

Он выжрал в себе дотла способность доверять, уважать или просто общаться по-человечески — эти функции в нем атрофировались за ненадобностью. Остался только голый инстинкт доминирования.

И пока он способен вбивать чужую самооценку в грязь, заставляя людей чувствовать себя ничтожествами, его собственная, когда-то обоссанная и растоптанная жизнь кажется

ся ему абсолютным триумфом.

Спустя полчаса я уже был на работе. Когда я обрабатывал очередную доску, ко мне подошел Михалыч.

— Здорово, Тимоха! Ты че сегодня опоздал, забухал что ли?

— Да че-то переборщил я вчера, чувствую себя хреново.

— Ну, мы это дело поправим, пойдем.

Мы направились в раздевалку. Михалыч открыл свой шкаф, достал из кармана куртки бутылку водки и сказал:

— Ща мы тебя подлечим.

— Ты че, Эд спалит — и прощай работа.

— Не ссы, бог не выдаст, свинья не съест. Эдарасть наш поехал на мутки какие-то с заказчиками, будет не скоро.

— Ну, хрен с тобой, давай. Только рюмашку.

— Ну уж извините, милсдарь, стопок у меня нет. Хуярь из горла, а это тебе на закусь.

Михалыч протянул водку и калабашку куриного супа с черным хлебом.

Глотнул водки — она моментально обожгла мне горло. Закусил хлебом, и стало получше, а когда попробовал суп — стало совсем хорошо.

— Живём! Спасибо, Михалыч.

— Хуйня война, пошли лучше покурим.

Михалыч — мужик кубатуристый, из тех, кого в народе называют наш слоняра. При росте в метр шестьдесят шесть он умудряется занимать собой всё пространство в комнате. В свои пятьдесят пять он сложен так плотно, словно его отлили из чугуна на местном заводе: плечи шире дверного проема, шея как пень, а под кожей перекачиваются сухие, рабочие мышцы, которые не берет никакой возраст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.